Во второй части излагается порядок установленного Геннадием для белого клобука особого ритуала при богослужениях, а также обряда, совершавшегося в Вербное воскресенье, — шествия „на жребяти осли“ к церкви, основанной архиепископом Василием, по преданию, на месте встречи им белого клобука. После этого шествия устраивалась трапеза для „князей, боляр и нарочитых православных великого Новгорода“, во время которой „велегласно“ читалась „Написания повесть о белом клобуке“. Весь обряд заканчивался пением многолетия „державному государю и великому князю“, а архиепископа торжественно провожали „во своя“ (в описании этих проводов есть текстуальное совпадение с описанием шествия архиепископа Василия в конце Повести о новгородском белом клобуке, что, несомненно, еще больше связывает эти два произведения).

Таково вкратце содержание Написания архиепископа Геннадия.[1]

Чтобы не возвращаться в дальнейшем к Посыльной грамоте, выскажем теперь же некоторые соображения, позволяющие не придавать особого значения этой части Повести.

Написанная в манере весьма распространенных в XVI веке книжно-риторических посланий к духовным лицам, Посыльная грамота не оригинальна и по содержанию. При чтении ее невольно приходит на память и известная беседа Дмитрия Герасимова с Павлом Иовием, в которой первый рассказывает второму, — так же как лицо, от имени которого написана Посыльная грамота, „римскому книгохранителю“, — о „благосостоянии“ и о „чудотворцах“ Русской земли, и бывшие в большом ходу во второй половине XVI века рассуждения о „порче“ древнегреческих книг „латинами“ (Иван Пересветов, Максим Грек). Более того, имеется ряд текстуальных совпадений с одним из сказаний о жизни Максима Грека, что было отмечено еще Субботиным. Посыльная грамота имеет также слишком явное сходство и с самой Повестью о белом клобуке: таинственное „Написание“ о белом клобуке, за которым Дмитрий Толмач приехал в Рим, совершает, по словам „римского книгохранителя“, из-за преследования со стороны „латинских людей“ рейсы по тому же маршруту, что и клобук в Повести. Наконец показательна и путаница в отношении лица, от имени которого написана Посыльная грамота. В заглавии он назван „Дмитрием греком Толмачем“ (а таких в начале XVI века известно два — Дмитрий Траханиот и Дмитрий Ларев, или Ралев), но в самом начале текста Грамоты он называет себя „слугой двора“ архиепископа Геннадия, „Митей малым“,[2] т. е. как будто имеется в виду известный русский переводчик и дипломат, живший в конце XV—начале XVI века, Дмитрий Герасимов, который в молодости носил это прозвище.

Все это вместе взятое говорит за то, что Посыльная грамота — позднее, составленное не ранее середины XVI века, прибавление к Повести о белом клобуке, возникшее под непосредственным влиянием последней, быть может, как попытка выяснить происхождение Повести или с целью придать ей больший авторитет, приписав этому произведению столь древнее, „римское“ происхождение.

Что касается самой Повести о белом клобуке, то прежде всего следует отметить следующее: в результате обследования рукописей

---

[1] Его полный текст см. в Приложении I, стр. 217.

[2] В опубликованном Костомаровым списке это место испорчено и читается так: „. . . Митя много челом бьет“. Все остальные списки исправляют это чтение на „Митя малый челом бьет“.